



Д. В. ФИЛОСОФОВ

Апология сумасшедшего

Я думаю, что время слепых влюбленностей прошло, что теперь мы прежде всего обязаны родине истиной.

Чаадаев

I

Чаадаев — одно из самых своеобразных и трагических лиц в истории русской мысли. Человек громадного ума, образования, таланта, он не дал и сотой доли того, что мог бы дать. Его сочинения, изданные в 1862 году князем Гагариным, уместились в небольшой книжке в двести страниц¹. Да и то эти напечатанные вещи Чаадаева — в сущности, лишь обрывки задуманных и невыполненных планов.

Широкой публике Чаадаев мало известен. Несколько страниц у Пыпина, который очень неудачно прозвал Чаадаева *скептиком*, да глава в книге Милюкова («Главные течения русской исторической мысли») — вот, кажется, и весь доступный материал об этом замечательном человеке². Иванов-Разумник упоминает о нем лишь вскользь, мимоходом.

А вместе с тем это был друг наиболее значительных декабристов, человек, имевший благотворное влияние на Пушкина. О нем думал Грибоедов, когда писал Чацкого. У него в доме по понедельникам встречались Гоголь и американец Толстой, Грановский и Шевырев, Хомяков и Герцен, Тютчев и П. Ф. Павлов. Здесь перебывали все известные иностранцы, за двадцать лет посетившие Москву: Кюстин, Сиркур, Мериме, Гакстгаузен³. Философ Шеллинг считал его самым умным человеком в России. Можно сказать, что почти три поколения находились под влиянием Чаадаева. Единомышленников в полном смысле

этого слова у него не было. Слишком это была сложная и несвоевременная фигура, слишком далеко смотрел он, и современники не могли вместить прозрений одинокого мыслителя, которому самые условия жизни мешали выявиться во всей силе. Но и друзья и враги одинаково не могли избежать его обаяния. «Его разговор и даже одно его присутствие действовали на других, — писал Жихарев, — как действует шпора на благородную лошадь. При нем как-то нельзя, неловко было отдаваться ежедневной пошлости».

Чаадаев стремился распространять свои идеи путем печати, но все его попытки были неудачны. И вдруг, без всякого участия с его стороны, появляется в русском журнале «Телескоп» за сентябрь 1836 года первое «философское письмо», конечно, без имени автора.

Известны все последствия этого факта. Редактор, проф. Надеждин, был сослан в Усть-Сысольск, цензор отставлен от должности, а Чаадаев объявлен сумасшедшим. Полицейский лекарь ежедневно должен был посещать больного. На самой статье Николай I сделал отметку: «Прочитав статью, нахожу, что содержание оной — смесь дерзостной бессмыслицы, достойной умалишенного».

Так был заткнут рот Чаадаеву, которого философ Шеллинг находил самым умным человеком в России.

II

За что вызвала статья Чаадаева такие гонения? Вот как отзывался о ней всесильный жандарм Бенкендорф в письме своем к московскому генерал-губернатору: «Статья сия возбудила в жителях московских всеобщее удивление. В ней говорится о России, о народе русском, его понятиях, вере и истории с таким презрением, что непонятно даже, каким образом русский мог унижить себя до такой степени, чтоб нечто подобное написать». Немец Бенкендорф, как истинно русский человек, до такого презрения к России, конечно, никогда не доходил. Он твердо стоял за *исторические начала* в широком и узком смысле этого слова. Особенно в узком. Всевозможные истинно русские Бенкендорфы, Дорреры и Крушеваны — люди, в сущности, очень трезвые. Россия и ее исторические начала сосредоточиваются для них в Петербурге или в одной из его окрестностей.

Вскоре после революции 48-го года в Москве произошло одно довольно ничтожное событие, о котором, однако, москвичи много

говорили. В доме генерал-губернатора гр. Закревского состоялся бал-маскарад. Участники его были одеты в русские исторические одежды. Официальные народники, Шевырев и Погодин, кувыркались от восторга. Шевырев писал: «Мы счастливы, что мысль, выраженная прекрасным праздником, от лица просвещеннейшего круга Москвы, в доме ее градоначальника, нашла глубокое сочувствие в самом хозяине России, который в течение двадцати четырех лет своего царствования не переставал, каким-то от Бога ему данным внушением, призывать нас к тому, чтобы мы возвращались в свое отечество».

Друг Шевырева Погодин — в умилении от удобства, красоты и значительности русской одежды — восклицал: «Мы имеем, мы должны иметь свою музыку, свою поэзию, свою философию, потому что мы народ древний, самобытный, своеобразный» и т. д.

Правда, на эти восторги истинно русских людей был тотчас же вылит ушат воды. В то самое время, когда «просвещеннейшая Москва» любовалась русскими маскарадными костюмами, из Петербурга от министра внутренних дел пришел циркуляр ко всем предводителям дворянства о том, что «Государю не угодно, чтобы русские дворяне носили бороды, ибо с некоторого времени из всех губерний получают известия, что число бород очень умножилось». Константин Аксаков, щеголявший своей бородой и шелковой косовороткой (Чаадаев сострил, что на улицах народ принимает Аксакова за *персиянина*)⁴, очень огорчился. Хомяков писал Блудовой, что он стал «хмурым Безбородкою» и что «il souffre d'une barbe rentrée»*. Шевырев, тот самый Шевырев, который только что распинался за национальный костюм и видел в маскараде историческое событие, — был страшно недоволен Константином Аксаковым, что тот не торопится брить бороды.

«Дурак Аксаков, — писал он своему другу Погодину, — являлся два раза к Хомякову в бороде; так и хочется человеку, чтоб его взяли, да не берут!» (см.: *Барсуков Н. Жизнь и труды Погодина*. Кн. X. С. 197–214, 242–253).

III

Воображаю, до чего западника Чаадаева, сумасшедшего Чаадаева, тошнило от этого маскарада, от подхалимства истинно

* «пострадал от своей растущей бороды» (фр.). — *Примеч. сост.*

русских людей, чисто выбритых и затянутых во фрак, от полицейской борьбы с бородой «персиянина» Аксакова, от всех этих исторических начал, подогнанных к интересам прусско-солдатского Петербурга.

Все это в конце концов анекдоты, мелкие исторические факты, казалось бы отошедшие в далекое прошлое.

Но, увы! До сих пор это наша *реальная действительность*. Чаадаев — символ всей нашей интеллигенции. Его объявили сумасшедшим, его ежедневно навещал полицейский лекарь.

Теперь на западническую интеллигенцию идет гонение куда посерьезнее. Славянофилов больше нет. Владимир Соловьев, этот верующий христианин, забил последний гвоздь в их гроб⁵. Теперь остались лишь славянофилы маскарадные, певцы исторических начал *истинной* России, России византийско-татарской, прусско-петербургской. И потому, может быть, никогда издание сочинений Чаадаева не было так своевременно, как теперь, и г. Гершензон хорошо сделал, что издал их, снабдив довольно толковым очерком жизни и деятельности «сумасшедшего» мудреца*.

Называть Чаадаева *западником* в современном значении этого слова — узко. Чаадаев — это соединение Герцена с Владимиром Соловьевым. Трезвой, сознательной любви к западной, чисто человеческой культуре с непоколебимой верой в истину христианства. Западничество такого типа, конечно, тяготеет к католицизму. Чаадаев и Вл. Соловьев оба пережили период такого тяготения, однако в католичество не перешли, потому что по духу своему это были христиане *вселенские*, не ущемляющиеся в исторической Церкви. Декабрьскую бурю Чаадаев пережил за границей. Иначе, по всей вероятности, он разделил бы судьбу своих друзей. Этой судьбы он избежал, но не избежал одной из самых мучительных кар для такого человека, как он, — замка, наложенного на уста. «Смешная» жизнь — как говорил он о себе. Его значение в том, что в самую глухую пору русской общественности он таил в себе родники русской мысли и, в сущности, предвосхитил те идейные течения, на которые разделилась современная общественная мысль. Гершензон утверждает, что Герцен считал Чаадаева *своим* по недоразумению. Это неверно. Герцен знал его лично, и, когда после смерти Чаадаева посвятил ему полную искреннего уважения статью, он отлично понимал, чем он обязан ему, какую существенную помощь оказал ему Чаадаев в борьбе со славянофилами⁶. «Я люблю

* П. Я. Чаадаев. Жизнь и мышление. СПб., 1908.

мое отечество, как Петр Великий научил меня любить», — говорил Чаадаев. И русскую историю он начинал с Петра Великого. Он любил Россию *будущего*, а не настоящего и прошлого. «Самой глубокой чертой нашего исторического облика является отсутствие свободного почина в нашем социальном развитии», — утверждал он, и он не мог не стоять за этот почин, который был так дорог и Герцену. Чаадаев стоял за *единую* общечеловеческую культуру. Это единство он видел в христианстве, не славянофильском, национальном, а вселенском. И Герцен стоял за всечеловеческую культуру, но христианство Чаадаева он заменил социализмом. Однако свободу от национализма, не только маскарадно-погодинского, но и славянофильского, он завоевал благодаря Чаадаеву, и этого он не забывал и за это был ему благодарен. Из этого, конечно, не следует, что Чаадаев был *космополитом*. Он только не видел в «любви к отечеству» и в *национальном* христианстве последней истины. И самоеды любят отечество, и абиссинцы — христиане, говаривал он. «К тому же есть общий закон, в силу которого воздействовать на людей можно лишь посредством того домашнего круга, к которому принадлежишь, той социальной семьи, в которой родился; чтобы явственно говорить роду человеческому, надо обращаться к своей нации, иначе не будешь услышан и ничего не сделаешь» (третье философическое письмо)⁷. Славянофильство он ненавидел с христианской, *религиозной* точки зрения. «Христианское сознание не терпит никакой слепоты, а национальный предрассудок является худшим видом ее, *так как он всего более разъединяет людей*» (1-е письмо).

Если Герцен боролся за единую *человеческую* культуру, то Чаадаев боролся за вселенскую *богочеловеческую* культуру. И *в то время* враг у них был общий.

IV

Словом, со славянофилами Чаадаев боролся религиозным оружием, самым страшным для них. Вл. Соловьев, одно время поддавшийся влиянию славянофилов, всецело воспринял идеи Чаадаева в вопросе *национальном* и окончательно доказал религиозную ложь славянофильства (см. «Национальный вопрос» и «Великий спор и христианская политика»)⁸.

Герцена и последующих «безбожных» западников славянофилы не слушали и не слышали. Но удары таких истинно религиозных людей, как Чаадаев и Вл. Соловьев, сразили их окон-

чательно. После Соловьева славянофильство невозможно. Его нет. Нет в том, хотя и ложном, но глубоко благородном виде, в каком оно жило в идеях Хомякова, Аксаковых и Достоевского. Остался лишь погодинский маскарад, одежда, удобная для прикрытия самых языческих вожделений торжествующего кулака.

Вл. Соловьев говорил: «Та доктрина, которая сама себя определила как *русское направление* и выступила во имя *русских начал*, тем самым признала, что для нее всего важнее, дороже и существеннее национальный элемент, а все остальное, *между прочим и религия*, может иметь только подчиненный и условный интерес. Для славянофильства православие есть атрибут русской народности; оно есть истинная религия в конце концов лишь потому, что его исповедует русский народ... В системе славянофильских воззрений нет законного места для религии *как таковой*, и если она туда попала, то лишь по недоразумению и, так сказать, с чужим паспортом» (Соловьев Вл. ПСС. Т. V. С. 167)⁹.

Эти доводы неотразимы, и славянофильство погибло, потому что то, что теперь продается под фирмой славянофильства, то, что носит ярлык «исторических начал», — товар отнюдь не славянофильский и не русский, а все тот же татарско-византийский, прусско-петербургский маскарад, необходимый для того, чтобы как-нибудь прикрыть самого обыкновенного городского.

Теперь уже истинно русские люди, вроде Крупенских, Бобринских и Пуришкевичей, никого не обманут. Когда в их речах встречаются имена Достоевского и Чаадаева (а это было при обсуждении адреса Думы и декларации правительства), то это сплошное кощунство.

Как бы ни относиться к кадетской партии, как бы ни сожалеть о знаменитом инциденте, и не столько о самом инциденте, сколько о последовавшем за ним извинении, — речь кадета Родичева, может быть, одна из самых замечательных речей, произносимых во всех трех Думах. Это была воистину русская речь и была прямо в цель. Недаром она вызвала такую бурю¹⁰. Нравственно Давид победил Голиафа. И тем не менее речь Родичева не исчерпала всех доводов против маскарада исторических начал. Если бы был жив Соловьев, столь многим обязанный Чаадаеву, он бы дополнил ее мотивами другого порядка, показал бы не только *человеческую*, как то блестяще сделал Родичев, но и *религиозную* ложь этого культа восточного деспо-

тизма, прикрывающегося громкими фразами из словаря славянофилов.

Он, вероятно, спросил бы, каким Россия хочет быть Востоком, «Востоком Ксеркса или Христа?» — показал бы всю нечестность мысли защитников национально-религиозных начал и этим оказал бы существенную поддержку Родичеву.

Но *такой* помощи Родичев не получил, а со стороны тех лиц, которые по самому своему положению обязаны были встать на точку зрения Вл. Соловьева, он услышал лишь невероятную защиту «исторических начал» по Евангелию от Матфея!

Да, славянофильство умерло, западничество живо, но признано сумасшедшим. Торжествует погодинский маскарад, — все время сбивающийся на Варфоломеевскую ночь.

V

А потому и Чаадаев не только не устарел, но приобрел какой-то новый, совсем современный смысл. И г. Гершензон очень вовремя издал свою книжку*. Ее невозможно читать без захватывающего интереса. Ведь нечего себя обманывать. Все мы, русские интеллигенты, к какому бы типу мы ни принадлежали, к типу ли Герцена или Вл. Соловьева, — все еще считаемся сумасшедшими. И нам нужно еще защищаться. Каждое слово русского современного интеллигента — все та же чаадаевская «апология сумасшедшего».

О, конечно, одними словами не защитишься и не победишь Ксеркса. Но слово разрушает *ложь*, и, услышанное многими, оно становится реальной силой.

Будущее нас рассудит и покажет, кому *по праву* принадлежит кличка *истинно русских людей*: современным Погодиным или Чаадаеву и его духовным детям, Герцену и Вл. Соловьеву. Будущее покажет также, какая Россия скажет свое великое слово. А в Россию западники крепко верят. Верил в нее и Чаадаев, столь «презиравший» (по словам Бенкендорфа) Россию. В своей «Апологии сумасшедшего» он писал: «У меня есть глубокое убеждение, что мы призваны решить большую часть идей, возникших в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, какие занимают человечество. Я часто говорил и охотно

* Непонятно только, почему г. Гершензон не перепечатал из гагаринского издания очень существенных писем Чаадаева к А. И. Тургеневу.

повторяю: мы, так сказать, самой природой вещей предназначены быть настоящим, совестным судом по многим тяжбам, которые ведутся перед великими трибуналами человеческого духа и человеческого общества». И, когда *таким* западникам бросают в лицо упрек в «нелюбви к отечеству», они с полным правом могут ответить вместе с Родичевым: «Не вам бы говорить, не нам бы слушать».

